DOI: 10.17976/jpps/2016.01.02

# ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ. К 60-ЛЕТИЮ САПН / РАПН

**О.В. Гаман-Голутвина**

**ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России. Президент Российской ассоциации политической науки. Руководитель Центра ответственности при Министерстве образования и науки РФ по вопросам бюджетного приема в вузы по политологии и регионоведению. Председатель Федерального учебно-методического объединения по политическим наукам и регионоведению.** Для связи с автором: ogaman@mail.ru

*Статья поступила в редакцию: 25.11.2015. Принята к печати: 03.12.2015*

По материалам выступления Президента РАПН О.В. Гаман-Голутвиной на открытии в юбилейный год VII конгресса РАПН (ноябрь 2015 г.). Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00815а

**Аннотация.** Написанный в связи с 60-летием отечественной ассоциации политической науки текст посвящен рассмотрению генезиса, миссии и роли этой организации в контексте политического развития последних десятилетий и актуальных трендов эволюции современной политики. Отмечается, что наиболее значимые вызовы, возникающие перед политической наукой, можно условно суммировать в два проблемных блока. Первый – это взаимоотношения политической науки и практической политики, то, как глобальные и локальные вызовы форматируют современное социальное знание. Второй блок – это внутренние вопросы развития дисциплины: соотношение мейнстрима мировой науки с повесткой и конфигурацией отечественной политологии; теоретико-концептуальные (императивно плюралистические) основания политической науки; сопряжение фундаментальных и прикладных направлений и их тематическое наполнение; сравнительный анализ эффективности исследовательских стратегий и методов; релевантность применяемой системы оценки эффективности научной деятельности в политической науке. Значимость политической науки сегодня определяется, по мнению автора, тем, что доминантой нынешней эпохи – постсовременной по своему содержанию – стал сложносочиненный симбиоз политики и экономики. Предметом политической науки предстают идеи, идеалы, интересы и технологии их сопряжения. В терминах второго закона термодинамики политическая наука – это институциональный инструмент противостояния необратимому рассеянию общественной энергии. Сложность политологии в этом качестве состоит в том, что она оперирует закономерностями вероятностного свойства, большинство из которых имеет относительно короткий период действия. Это, по мнению автора, определяет необходимость постоянной саморефлексии дисциплины, что и составляет миссию РАПН и ее социальную функцию, состоящую в создании формата и устойчивости профессиональной коммуникации. Автор рассматривает форматы и технологии реализации социальной функции РАПН как значимого института гражданского общества, обретающего свою идентичность в контексте качественного усложнения социальных изменений с преобладанием в них нелинейных по характеру процессов.

**Ключевые слова:** политическая наука; вызовы и угрозы; нелинейные процессы; профессиональная коммуникация; методологические и методические основания политологии; политическая экспертиза; РАПН; МАПН.

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ЯРОСТНОГО МИРА**

В 2015 г. исполнилось 60 лет с тех пор, когда отечественные исследователи впервые приняли участие в работе конгресса Международной ассоциации политической науки (МАПН) и были официально приняты в состав международной профессиональной ассоциации, что дало импульс конституированию сообщества исследователей политики в нашей стране в формате Ассоциации политической науки. Поскольку МАПН построена по принципу "*одна страна – одна организация*", созданная в 1955 г. отечественная ассоциация политической науки обрела право представлять отечественных политологов в международных структурах и достойно осуществляла эту миссию на протяжении последующих 60 лет. Прошедшие с момента создания ассоциации шесть десятилетий отмечены непрерывным развитием организованного политологического сообщества исследователей и преподавателей в нашей стране.

Заметной вехой на этом пути стало проведение в Москве в 1979 г. XI конгресса МАПН, ставшее возможным благодаря усилиям президента ассоциации Г.Х. Шахназарова. Обращение к наследию Московского конгресса САПН и истории ассоциации в целом – не просто дань юбилею, это повод для осмысления соотношения национально-государственного и мирополитического, особенного и единичного, уникального и универсального. Это тем более актуально, если учесть отмеченное, в частности, классиком мировой социологии У. Беком новое качество власти, для которой характерно исчезновение разницы между интернациональным и национальным во власти и появление глобального, всемирного пространства внутренней политики [Бек 2007].

В ноябре 2015 г. состоялся прурочeнный к 70-летию Ассоциации VII конгресс РАПН. Конгресс прошел в тревожном контексте – перефразируя У. Шекспира и Дж. Стейнбека, можно сказать, что рубеж 2015 / 16 гг. становится *зимой тревоги нашей*, когда стратегическая стабильность предстает уходящей натурой, ускользающей реальностью, причем это ощущение усиливается. Гражданский конфликт на Востоке Украины. Война в Сирии. Трагедия российского авиалайнера. Париж, казавшийся прежде вечным *праздником, который всегда с тобой*, а теперь обагрен кровью невинных жертв...



Возникает вопрос – до науки ли (тем более политической) в этом *яростном, но далеко не во всем прекрасном мире*? Эта мысль, уверена, близка многим. Более того, все слышнее голоса тех, кто, перефразируя известный афоризм, готов схватиться за пистолет при упоминании науки, тем более политической, и это – прямая цитата. Между тем перечисленные выше и еще многие другие обстоятельства не только не девальвируют значимость объективного знания о политике, но резко актуализируют его востребованность. И очевидно обостряют проблемную ситуацию политической науки, которая действительно оказывается перед калейдоскопом экспоненциально нарастающих вызовов.

Наиболее актуальные измерения этих вызовов можно условно суммировать в два проблемных блока. Первый – это взаимоотношения политической науки и практической политики. Это вопросы о том, как вызовы – глобальные и локальные – форматируют современное социальное знание. Второй блок – это внутренние вопросы развития дисциплины.

Рассмотрение глобальных вызовов, форматирующих политическую науку, позволяет констатировать, что возникшие во второй половине XX в. глобальные проблемы в начале нового столетия не только не были разрешены – они

многократно усугубились и дополнились впечатляющим перечнем новых угроз[1]: транснационализация организованной преступности в целом и трансграничный по масштабу незаконный оборот наркотиков в частности; противоправные операции в сфере высоких технологий и масштабная, обретшая почти государственный размах, киберпреступность (причем наиболее развитые страны в данном отношении оказались и наиболее уязвимыми); эксперименты по клонированию людей (включая искусственное воспроизводство детей-двойников, создающее прямую угрозу генофонду); ставшее очевидным изменение климата. Неожиданным и резким стал взрыв как казалось уже ставших историей религиозных войн, межэтнических конфликтов, вооруженного сепаратизма и ирредентизма; произошло качественное перерождение возникшего еще в XIX в. феномена терроризма и обретение им характера глобальной угрозы. Более того, возродились, казалось бы, ставшие достоянием истории такие архаичные угрозы безопасности, как работорговля и морское пиратство. Работорговля в различных регионах мира превратилась в выгодный бизнес; пиратский промысел возник в Сомали, а захваты заложников с целью обогащения или пропаганды стали одной из технологий современного терроризма. Все перечисленное составляет содержание значимых вызовов для безопасности – региональной, национальной, глобальной. Причем эти угрозы представляют собой порой причудливое сочетание сверхсовременных и архаичных элементов.

Однако расширением номенклатуры вызовов нынешняя проблемная ситуация не исчерпывается – отмечаются и качественные перемены: глобальные угрозы существуют не изолированно друг от друга, а взаимодействуют между собой, производя кумулятивный эффект и превращаясь в каскады взаимосвязанных угроз. Следует назвать еще одно принципиально новое явление: притупился ставший результатом Второй мировой войны страх нового глобального столкновения. В 1919 г., всего год спустя после завершения Первой мировой войны, Освальд Шпенглер поразил современников данным им ответом на вопрос о возможности новой мировой бойни. Он сказал, что новая война не только возможна, но даже неизбежна, и произойдет она через двадцать лет, поскольку в этом временном горизонте вырастет новое поколение, не знакомое с ужасами войны. Созданные на исходе Второй мировой войны институты глобального регулирования, прежде всего ООН, обеспечили более 70 лет без всемирных войн. За этот период выросли почти три поколения, и сегодня казавшаяся вечной память об ужасах войны начинает стираться. "*Есть вещи поважнее мира*" – эта знаменитая фраза, традиционно приписываемая Александру Хейгу, звучит как лейтмотив сегодняшнего состояния умов...



В свое время первым президентом МАПН в 1949 г. был избран профессор Чикагского университета К. Райт, президент Американской ассоциации политической науки (1948-1949 гг.), крупный ученый, автор двух десятков книг, включая знаменитую работу "Исследование войны" (1942 г.). Избрание

[1] Данная проблематика была рассмотрена в исследовании "Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития" (отв. редактор О.В. Гаман-Голутвина, среди авторов – Т.А. Алексеева, Н.К. Арбатова, А.Д. Воскресенский, Э.Я. Баталов, В.Г. Барановский, А.Д. Богатуров, А.А. Галкин, М.К. Горшков, А.А. Громыко, А.А. Дынкин, Н.И. Иванова, А.А. Кокошин, Б.Г. Капустин, В.В. Лапкин, М.М. Лебедева, А.В. Торкунов, Н.А. Симония, В.В. Наумкин, А.И. Неклесса, А.И. Никитин, В.А. Никонов, В.И. Пантин, С.П. Перегудов, С.М. Рогов, И.С. Семененко, В.П. Сударев и др.), изданном в рамках 5-томной монографии "*Российская политическая наука: истоки и перспективы*" под общей редакцией О.В. Гаман-Голутвиной [Политическая наука... 2015].

К. Райта было не случайным: трагедия мировой войны побуждала вновь обращаться к вопросам предотвращения новых войн. Стремлением к осмыслению опыта Второй мировой войны для предотвращения новых столкновений были отмечены и многие годы деятельности отечественной ассоциации: во главе ассоциации и среди выдающихся ученых-политологов были участники Великой Отечественной войны Г.Х. Шахназаров, А.А. Галкин и другие.

К большому сожалению, проблематика предотвращения войн не ушла из повестки политической науки и в настоящее время. Перед началом Давосского форума 2015 г. был опубликован доклад Всемирного экономического форума о глобальных рисках, ожидающих человечество в ближайшее время. В ходе подготовки доклада 900 всемирно признанных экспертов выбирали 10 рисков из предложенных трех десятков и затем ранжировали их по двум шкалам: по вероятности превращения риска в реальную угрозу и по силе воздействия на глобальные политику, экономику и общество. Неожиданностью доклада стало то, что эксперты впервые за последние 20 лет на первое место поставили геополитические риски межгосударственных конфликтов. В качестве причин были названы такие факторы, как растущая нестабильность на Ближнем Востоке и в Северной Африке; продолжающийся конфликт на Юго-Востоке Украины; рост террористических групп, в первую очередь, таких как запрещенные в России ИГИЛ (ДАИШ) и "Боко Харам"; растущая напряженность на территории Южно-Китайского моря. "Двадцать пять лет спустя, после падения Берлинской стены, мир снова столкнулся с риском крупного конфликта между государствами" – таков комментарий ведущего экономиста Давосского ВЭФ М. Дрзениек-хануз. Также в перечень наибольших рисков входят крах национальных правительств, киберпреступность, экстремальные погодные явления, водный кризис[2].



Другой опрос, проведенный в феврале 2015 г. в США журналом *Foreign Policy* с привлечением более тысячи американских экспертов, показал, что впервые за последние 20 лет риск прямого военного столкновения США с Россией оценивается выше, чем между США и Китаем[3].

Следует также иметь в виду, что современные конфликты включают отнюдь не только столкновения с применением традиционных видов оружия, но также широкий спектр разнообразных по применяемым технологиям форматов, включая информационные, психологические, финансово-экономические, организационные, дипломатические войны, кибератаки и пр.

Кроме того, в этом контексте необходимо иметь в виду фактическое изменение целей и характера современных войн и эволюцию их концептуального осмысления. Что касается первого, то современные эксперты, развивая идеи К. Клаузевица, различают тотальные и ограниченные войны. Разграничение определено не количеством погибших и не масштабом военных действий, а целями[4]. Цель тотальной войны – полностью разгромить противника,

[2] Главный риск 2015 года – война. 2015. – *ЭлитТрейдер*. 14.06. Доступ: http://elitetrader.ru/index.php?newsid=253413 (проверено 08.12.2015).

[3] Опрос экспертов Foreign Policy: насколько вероятна война между США и Россией. 2015. – *В досье дипломата. Международная жизнь*. 05.02. Доступ: http://dossierdip.interaffairs.ru/index.php/analitika/item/838-838 (проверено 08.12.2015).

[4] Фененко А.В. 2015. Современные конфликты – отражение войн XVII–XVIII веков. – *Российский Совет по международным делам. Официальный сайт*. 05.05. Доступ: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5833#top-content (проверено 08.12.2015).

уничтожить его или принудить к капитуляции. Цель ограниченной войны принципиально иная – принудить противника к компромиссу, к локальным уступкам, в результате которых противник вынужден пойти на заключение невыгодного для него соглашения. Такой тип войн преобладал во второй половине XVII и в XVIII вв.; таковы и разворачивающиеся в начале XXI в. ограниченные войны, которые потенциально чреваты более крупными военными конфликтами[5]. В этом также можно увидеть проявление противоречивого характера политики, сочетающей сверхсовременные инструменты и инновационные технологии противостояния (кибероружие, радиоэлектроника и др.) с заимствованными из древности приемами.

Для понимания актуальных тенденций в концептуализации современных войн можно обратиться к недавно принятым документам. Так, в частности, в разработанной в 2014 г. Новой оперативной концепции армии США "Победа в сложном мире 2020-2040" впервые на уровне официального документа фиксируется принципиально новое видение облика войны. В Новой оперативной концепции впервые официально говорится, что "жесткие противоборства будущего будут осуществляться в незнакомой обстановке и в незнакомом месте. При этом армии будут противостоять неизвестные враги, входящие в неизвестные коалиции". Один из разработчиков концепции, бывший командующий войсками США и союзников в Афганистане, генерал Д. Барно отмечал: "Нам придется действовать в условиях, когда невозможно установить ни точного времени начала войны, ни момента ее завершения" [Оперативная концепция... 2015].



Другой важной особенностью новых концепций войны оказывается отсутствие четкой грани между войной и миром, когда интенсивность конфликтов, его участники, поля боя и сферы противоборств становятся переменными величинами. Фактически речь идет о том, что появляется новое состояние – "мировойна" или "войномир". Таким образом, особое значение придается нечеткому характеру военных конфликтов, когда в условиях жесткого противоборства противостоящие стороны включают в себя как войсковые подразделения, так и иррегулярные формирования, как ополчение, так и частные военные компании и т.п. [там же].

Очевидно, что упомянутые и иные масштабные с точки зрения глубины, качества и динамики трансформации требуют концептуального осмысления, поскольку размытость понятий и концептуальная нечеткость – серьезное препятствие на пути политического анализа и прогнозирования мировой динамики. Необходимы сущностные определения и классификации рисков, вызовов, опасностей и угроз, их "количественные" (в зависимости от уровня реального ущерба, который проблемы могут принести) и "качественные" (характеристики и особенности, которыми они могут обладать) классификации и ранжирования вызовов по степени вероятности. Необходимо осмысление понятий также "мягких" и "жестких" угроз безопасности.

В этом контексте очевидна потребность политической науки в осмыслении собственных методологических оснований, ключевых принципов, полученных результатов. К тому же побуждают и отмеченные юбилейные даты – 60 лет САПН / РАПН и 35 лет, прошедших со времени Московского конгресса МАПН. Это перечень насущно необходимо дополнить еще одной значимой

[5] Там же.

вехой: недавно исполнилось 25 лет с момента официального конституирования политической науки в нашей стране в качестве самостоятельной дисциплины.

## Современная политическая наука: Вавилонская башня или цветущая сложность?

Упомянутый 25-летний временной отрезок соответствует периоду смены поколений. Нельзя не отметить, что последняя четверть века отмечена трансформацией такой глубины, которая ставит этот период в ряд исторических событий. В "Философии истории" Г.В.Ф. Гегель написал поразительные слова о том, что *периоды счастья являются пустыми листами истории* [Гегель 1993: 79]. Время показало справедливость этого суждения. Действительно, эпохи перемен и потрясений редко делают счастливыми их участников и свидетелей, однако в плане познания мира эти переломные моменты истории бесценны. Не случайно Карл Ясперс полагал, что именно в переломные моменты истории постигается ее истинный смысл.

Не составляет исключения и последняя четверть века, вобравшая в себя целый ряд существенных трансформаций, наиболее значимыми из которых, видимо, можно считать два типа сдвигов. Первый – качественное усложнение природы и характера социальных изменений, а именно, переход к нестационарной системе социальных связей и преобладанию нелинейных по характеру процессов. Нелинейность в данном контексте означает качество системы управляться разными законами в разное время при разных внешних воздействиях, когда малое воздействие может оказывать бо́льшее влияние на процесс эволюции системы, чем воздействие более сильное, но неадекватное тенденциям эволюции. Нелинейность обуславливает сложное и разнообразное поведение участников социальных процессов, не укладывающееся в единую теоретическую схему. Динамика таких систем неоднозначна, поскольку внешние или внутренние воздействия могут вызвать отклонения такой системы от ее стационарного состояния в любом направлении. В данном контексте особое значение имеет тот факт, что в политических процессах наиболее заметно нарушается линейный принцип пропорциональности результата усилиям и неприменимость механического масштабирования: совсем не очевидно, что модель политического процесса может рассматриваться как уменьшенная копия политической реальности. Кроме того, нелинейность сопряжена с растущими рисками – техногенными, политическими, гуманитарными и т.д. [Полунин, Тимофеев 2009].



Мир политического в условиях глобальной неопределенности и "размывания границ между политикой, экономикой и обществом" характеризуется неустойчивостью, поскольку прежние системные правила игры и базисные институты, а также формы и роли действующих сил перестают действовать, новые правила пишутся заново на ходу, отменяются и создаются вновь. Взаимозависимость и взаимосвязанность оказываются в основе усложнения, роста плюрализации социальных отношений. Рост общественных ожиданий при снижении уровня их удовлетворенности, повышение зависимости внутренней политики от внешней среды, информатизация общества, его "сетевизация" иллюстрируют глобальную трансформацию в том понимании, как это представлено в работах Э. Гидденса и У. Бека – как "ускользающий мир", "общество риска", переход к "другому модерну" [Giddens 1991;

Гидденс 2004; Смирнов 2012]. У. Бек понимает трансформацию как процесс, пределы которого трудно фиксируемы, однако его масштаб столь значителен, что может быть интерпретирован как "изменение основ изменения" [Бек 2000: 16]. Все приходит в движение и меняется таким непостижимо всеохватным образом, что сам фундамент социального взаимодействия, практики, институты, ценности оказываются в состоянии трансформации [Смирнов 2012]. При этом неизбежным следствием и оборотной стороной усложнения социальных связей предстает растущая хрупкость современного мира [Талеб 2014]. Возрастание сложности, объемности, многозначности социальных связей – знак времени, который требует соответствующей реконцептуализации и перенастройки управленческих систем. Отмеченные особенности сложных социальных объектов определяют императивность разработки релевантных их сложности парадигм анализа, прогнозирования и управления, что можно рассматривать в качестве принципиальной методологической установки современной политической науки. Однако рефлексия сложности порой существенно запаздывает по отношению к реальным процессам.

Второй тип сдвигов касается собственно политической сферы и характеризует тектонические изменения структуры глобального миропорядка на изломе 1980-90-х годов и последовавший на исходе четвертьвекового рубежа существования сформировавшегося тогда миропорядка глубокий кризис его структуры; радикальное изменение номенклатуры акторов глобальной политики и соотношений сил между ними, а также окончательное формирование феномена мировой политики как глобального контекста существования национальных государств, международных организаций, системы международных отношений в целом, над- и негосударственных структур. Кроме того, очевидно новое, существенно более сложное, чем ранее, соотношение глобальных, национальных и региональных уровней политики и экспоненциальное усложнение механизмов их взаимопроникновения. Еще одной заметной чертой новой реальности становится отмеченное С. Хантингтоном возрастание самого *количества* власти. В современных обществах, в отличие от традиционных, власти становится больше, соответственно, бо́льшая часть общества оказывается вовлеченной во властные отношения.



При том, что турбулентная по характеру последняя четверть века очень по-разному, порой "железной пятой", прошлась по личным судьбам не одного поколения, именно она предоставила редкий шанс протестировать целый ряд исторически складывавшихся гипотез относительно возможностей гармонизации мироустройства. Переход к универсальной цивилизации, объединенной общечеловеческими ценностями, преодоление классово-экономических и геополитических противоречий – под знаком этих идей сложилась версия отечественного политического идеализма исхода 1980-х годов. Это время вобрало в себя и идеалистические упования на устранение насилия из сферы политики, и надежды на изживание враждебности и конфликтности в международных отношениях, и чаяния установления почти кантовского "вечного мира" в результате обретения статуса партнеров ранее казавшимися непримиримыми соперниками, и крушение оказавшихся несбывшимися надежд. Не оправдались и связанные с разработкой и использованием информационнокоммуникационных технологий завышенные ожидания обрести в них почти "золотой ключик", позволяющий разрешить сложные

социальные проблемы. Оказались иллюзорными и надежды на международную кооперацию в разрешении глобальных проблем. И все же, несмотря на несостоятельность ожиданий того времени и возросшую конфликтность текущей ситуации, вряд ли правомерно априори пессимистически отвергать саму возможность преодоления тотальной конфликтности современного мира. Потенциал политической науки в данном отношении вряд ли подлежит сомнению, в том числе по следующим резонам.

Разные эпохи имели различные доминанты. В традиционном обществе доминантой была религия; в индустриальном – идеология; в нынешнем, которое нередко определяют как постсовременное, это сложносочиненный симбиоз политики и экономики. Этот симбиоз и предстает объектом политической науки, ибо экономическая теория нацелена не на рефлексию, а на модальность максимизации стоимостной эффективности. Политическая наука – если артикулировать ее повестку в терминах философии Мартина Хайдеггера – изучает бытие и время, точнее, политическое бытие в политическом времени. Человек и политика; смыслы, выражающие их дискурсы и технологии трансляции этих смыслов; способы целеполагания и современная нелинейная динамика его реализации; потребности, интересы, движущие мотивы крупных общностей и малых групп; культуры и ценности; движения масс и революции; управленческие парадигмы и технологии. А еще война и миротворчество; стратегии и технологии; конфликты и компромиссы – таков бесконечно разнообразный мир политической науки. Как сделать мир менее конфликтным? Как избавить его от войн? Как преодолеть нищету – не только философии Прудона, как призывал К. Маркс, – и не только экономическую обездоленность беднейших стран и слоев, но также мировоззренческую и культурную? Все это и еще многое другое образует многосоставное полиаспектное предметное поле политической науки. И именно эта мозаичность дала основание для метафоры Г. Алмонда, который сравнил политологию с множеством столиков в кафе, имея в виду сосуществование в политической науке различных исследовательских стратегий [Almond 1990]. На мой взгляд, проблема состоит в формате сопряжения этих условных "столиков": станет ли внутренний дизайн этого многообразия *Вавилонской башней* или *цветущей сложностью*, соответствующей многослойности своего объекта – бесконечно сложного мира относительных истин?



Если коротко, предмет политической науки – это идеи, идеалы, интересы и технологии их сопряжения. При этом политическая наука не претендует на обещание человеку рая, она стремится удержать его от движения в ад – ад коррупции, несвободы, угнетения, неэффективного управления, упадка, в конечно счете – регресса. Иначе говоря, в терминах второго закона термодинамики, **политическая наука – это институциональный инструмент противостояния необратимому рассеиванию общественной энергии**.

Сложность политологии в этом качестве состоит, в частности, в том, что она оперирует закономерностями вероятностного свойства, большинство из которых имеет относительно короткий период действия [Алмонд 1999]. И потому столь важна постоянная саморефлексия состояния дисциплины. Именно это и составляет, если угодно, *миссию РАПН, ее социальную функцию* – создавать формат и устойчивость профессиональной коммуникации. При этом важно, чтобы эта коммуникация обретала предметные формы – кон-

кретных эвристических проектов и решения прикладных задач – и была эффективной в этом качестве. Собственно, на это и нацелена вся деятельность ставшей преемницей САПН Российской ассоциации политической науки: ее целью выступает развитие института политической науки и, возможно, более эффективное его функционирование – в партнерстве с государством и родственными структурами профессионального поля.

В понимании миссии РАПН уместно сослаться на Г.В.Ф. Гегеля, который считал, что становление гражданского общества происходит посредством институционализации партикулярного, частичного интереса и соединения его с интересом общезначимым. Причем именно профессиональные ассоциации Гегель считал базовой структурой гражданского общества, а их совокупность – его матрицей.

Зададимся вопросом: *много ли в России институтов гражданского общества со столь длительной и реально богатой историей?* А те организации, что смогли сохраниться, несмотря на тектонические по глубине и системные по объему трансформации последнего полувека, обладают ли потенциалом развития, способностью целеполагания и ориентацией на связь с политической практикой? Изданная к VII конгрессу РАПН монография об истории Ассоциации в полной мере свидетельствует как о реальных достижениях РАПН в области развития дисциплины, так и о ее роли в качестве института гражданского общества [История... 2015].

Очевидно, что историческая судьба политической науки в России складывалась непросто: несмотря на богатейшую и без преувеличения многовековую традицию общественно-политической мысли, официальное конституирование политической науки как академической дисциплины и исследовательского направления состоялось довольно поздно – как было отмечено выше, чуть более 25 лет назад. Это запоздание было обусловлено в том числе объективными обстоятельствами. Исторически Российская империя и СССР были организованы как идеократии (использую эту категорию как сугубо аналитическую, а не ценностную). В условиях чрезвычайного разнообразия – территориально-географического, экономического и этноконфессионального – консолидирующим принципом выступал идеологический механизм: в Российской империи эту функцию выполняли православие и державность, в СССР – коммунистическая идеология. Этот принцип обеспечивал объединение огромной страны – даже сегодня самой большой в мире. Однако он же на системном уровне ограничивал возможности укоренения плюрализма – политического и интеллектуального, без которого невозможно развитие социальной науки, – вследствие чего интеллектуальный плюрализм имел преимущественно периферийный характер – имеется в виду не география, а иерархия и структура общественного пространства.

Принципиально важно отметить, что, несмотря на конституирование лишь в 1989 г., де-факто исследования политики осуществлялись в нашей стране и ранее, хотя эти изыскания имели существенную специфику, обусловленную особенностями политической системы страны. Не случайно авторы подготовленного в конце 1940-х годов масштабного доклада “Современная политическая наука: обзор методов, направлений исследования и преподавания”, который был подготовлен силами более 50 исследователей, представлявших широкую палитру стран от Мексики до Китая (среди авторов –

имена первого ряда: Раймон Арон, Морис Дюверже, Гарольд Лассуэл, Чарльз Мерриам), выделили пять ведущих национальных школ политической мысли, включив в этот перечень американскую, британскую, французскую, немецкую и советскую. Действительно, несмотря на то, что официально в существовавшем до 1989 г. реестре специальностей политология не значилась, тем не менее, в стране и до этого рубежа существовали традиции и формировались школы изучения политической сферы. Имеются в виду исследования государства и государственности, политических партий, систем и режимов, закономерностей развития мировой политики, мировой экономики, внешней политики и международных отношений, политических идеологий и культур, рассмотрение истории политических и государствоведческих учений, страноведческие изыскания в институтах Академии наук СССР (Институт философии, ИМЭМО, ИМРД, ИСКАН и др.) и преподавание этих дисциплин в ряде ведущих университетов страны. Кроме того, в 1944 г. был учрежден Московский государственный институт международных отношений МИД СССР, превратившийся со временем в ведущий центр развития исследований и преподавания истории и теории международных отношений. Именно в МГИМО МИД России в 1998 г. был создан первый в Российской Федерации факультет политологии. Совсем недавно МГИМО отметил свое 70-летие.

И, если уж говорить о датах, то нельзя не увидеть символизма в совпадении этой даты с другой, всемирно-исторической по значению, – имею в виду 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Близость этих дат мне не кажется случайной: завершение горячей войны в середине 1940-х годов было ознаменовано осознанием того факта, что в условиях рождения новой эпохи – эпохи ядерного оружия и свойственной ей возможности взаимного уничтожения противников – фокус конкуренции сместился из чисто военного театра в область политики и дипломатии и ныне охватывает сферу культуры, психологии, коммуникаций. Это стало значимым вызовом для советской социальной науки, в том числе политической. В этом контексте необходимо отметить несомненные и выдающиеся достижения ряда отечественных школ общественно-политической мысли (например, философии) и заслуги таких блестящих ученых, как А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус или А.В. Меликсетов. Были серьезные достижения и в области общественно-политических исследований. В силу ограниченности места и времени назову только одно имя – имя патриарха отечественной политической социологии А.А. Галкина – выдающегося ученого, участника Великой Отечественной войны, задающего высочайший профессиональный и нравственный стандарт. Профессор А.А. Галкин и сегодня, перешагнув 90-летний рубеж, активно работает, публикует новые книги и статьи.

Однако, несмотря на существенные достижения, участь некоторых направлений *политической* науки (например, политической коммуникации, психологии, изучения авторитаризма и проблем демократии), вплоть до конца 1980-х годов, хотя и складывалась удачнее судьбы генетики и кибернетики, оставалась незавидной. Последствия этой ситуации были весьма неутешительными. Конечно, распад советской политической системы был вызван многими причинами, однако следует признать, что не последнее место в их ряду занимала и идеологическая зашоренность социального знания. Между тем эффективное управление нуждается в эффективной экспертизе – поли-

тологической, социологической, экономической. Думаю, нам важно помнить об этом, чтобы не повторять прошлых ошибок. Вряд ли можно полагать, что опасность недооценки экспертизы политических решений осталась исключительно в прошлом: возможность политической экспертизы оказаться лишним звеном в алгоритме принятия стратегических решений не исключена и сегодня. И это составляет содержание еще одного вызова для политической науки. Причем содержание и характер этого вызова не всегда линеен. В свое время М. Фуко показал, что никакая власть не осуществляется без добывания, присвоения, распределения и даже сокрытия знания: "нет отношения власти без коррелятивного образования поля знания, как нет знания, которое в то же время не предполагает и не образует отношения власти". Отношения между знанием и властью может быть выражено формулой: "Власть устанавливает знание, которое, в свою очередь, выступает гарантом власти", причем власть выступает в качестве детерминирующего фактора в истории отношений между знанием и властью ("Другая власть – другое знание"). К этому можно добавить, что даже игнорирование знания властью не отменяет его роль, а игнорирование знания вряд ли может способствовать эффективности управления.

Коль скоро упомянут Фуко, то нельзя не сослаться еще на одну его существенную идею, которая определяет сегодняшнюю потребность в саморефлексии политической науки, идею о том, что власть – это, скорее, то, что мы определяем как комплексную стратегическую ситуацию в конкретном обществе. Эта "комплексная стратегическая ситуация" не имеет постоянной константы, она все время меняется, трансформируется. Соответственно, перманентная трансформация власти определяет необходимость постоянного саморазвития политической науки и ее потребность не только в осмыслении ключевых принципов и методологических оснований, но также в упрочении профессиональных стандартов.



Если обратиться к "внутренним" вопросам развития дисциплины, то среди наиболее значимых сюжетов, в частности, выделяются соотношение мейнстрима мировой науки с повесткой и конфигурацией отечественной политологии; теоретико-концептуальные основания политической науки – императивно плюралистические (при этом базисом плюрализма должно являться всеобщее признание обязательности использования достоверных сведений и соблюдения правил логических выводов); соотношение фундаментальных и прикладных направлений и их тематическое наполнение; сравнительный анализ эффективности используемых исследовательских стратегий и методов; релевантность применяемой системы оценки эффективности научной деятельности в политической науке. Рассмотрению данной тематики посвящена изданная к VII конгрессу РАПН монография "Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии" в рамках 5-томной монографии "Российская политическая наука: истоки и перспективы", подготовленной под редакцией автора этих строк [Структурные трансформации... 2015].

Что касается первого вопроса, пожалуй, наиболее дискуссионного, то очевидно, что нет альтернативы развитию новых перспективных методологий, способных быть эффективными основаниями анализа сложных объектов, имеющих отчетливую страновую специфику. Однако при этом важно не впасть в ересь создания новой версии "большевистской физики" и "пролетарской ботаники". В свое время Людвиг Витгенштейн в "Логико-философском

трактате" писал о необходимой методологической "лестнице", которую можно отринуть только после того, как взобрался с ее помощью на новое "плато" знания. Эвристический потенциал современной политической науки – это аналог "лестницы", на которую необходимо подняться, и только потом выносить суждение о ее релевантности.

Другой актуальной задачей является необходимость овладения возможно более широким арсеналом методов: неоднократно отмечалось, что проблемой отечественной политологии остается слабое знание строгих методов и ограниченность навыков работы с эмпирическими данными. Во многом это связано с историческими особенностями и сложностью периода становления политологии, требовавшей освоения современного методического арсенала в условиях дефицита возможностей и времени – в 1990-е годы политологам приходилось одновременно учить студентов и учиться самим, причем на фоне перманентных финансовых кризисов.

Не менее актуальным аспектом данной проблемы является дискуссия об оптимальном соотношении количественных и качественных методов. С одной стороны, без алгебры гармонию не проверишь, с другой – еще в 1994 г. известный французский исследователь М. Доган фиксировал свойственную западной науке сверхквантификацию [Dogan 1994: 37]. Доминирование количественных методов стало заметным в последние два-три десятилетия. Но и здесь не все однозначно. А.Ю. Мельвиль обратил внимание на то, что бо́льшая часть работ, публикуемых в *American Political Science Review*, выполнена с использованием количественных методов, тогда как в других ведущих журналах по политической науке – *Comparative Politics* и *World Politics* – значительно выше доля публикаций, опирающихся на качественные методы[6]. Это ставит под сомнение безусловность предпочтений в отношении используемых методов анализа с учетом достигнутого уровня политического знания. Существующую проблему можно сформулировать так: совершенствование количественных методов является важным компонентом эффективности современного политического знания, однако нельзя забывать о реальных политических проблемах, лежащих в основе наших изысканий, о том, что в количественных исследованиях объекты выглядят как пакеты переменных.



Еще одним проблемным измерением нынешнего этапа развития дисциплины является вопрос о релевантности применяемых подходов к оценке эффективности научной деятельности, в том числе посредством использования наукометрических показателей. Некоторые из используемых в настоящее время показателей (например, "число патентов на изобретения") в качестве критерия оценки эффективности исследовательской деятельности, в том числе в области социальных наук, могут вызвать разве что грустную улыбку...

Если же посмотреть на ситуацию в целом, то сегодня, безусловно, важной проблемой остается необходимость достойной организационной и финансовой поддержки образования и исследований в области политической науки и политической экспертизы со стороны государства. В этом нет ничего исключительного или нового – любая наука нуждается в поддержке, поскольку она по определению не является коммерческим проектом.

[6] Мельвиль А.Ю. 2014. Политическая наука узнает больше, но о меньшем. – *НИУ ВШЭ. Официальный сайт*. Доступ: http://www.hse.ru/news/science/134045464.html (проверено 08.12.2015).

**РАПН: МИССИЯ ВЫПОЛНИМА**

И здесь мы вновь возвращаемся к миссии РАПН по созданию устойчивости и эффективности профессиональной коммуникации. Сегодня РАПН – это более 1000 человек, 60 региональных отделений, эксклюзивное право представительства отечественных политологов в международных организациях и обширная международная профессиональная коммуникация – не случайно в юбилейном конгрессе РАПН в ноябре 2015 г. приняли участие представители более 30 стран (несмотря на очевидные организационные и политические сложности). Участие значительного числа зарубежных коллег уже стало традицией конгрессов РАПН. Еще одно символическое совпадение: на 60-м году существования организации число ее региональных отделений (которое уже на протяжении почти двух десятилетий устойчиво превышало 50) достигло 60, причем региональная сеть расширяется. В свое время М.В. Ломоносов говорил, что Россия прирастает Сибирью. Не будет преувеличением сказать, что РАПН прирастает в том числе за счет региональных центров политологии. Естественным выглядит то, что на VII конгрессе РАПН в 2015 г. было представлено около 70 регионов России. Крайне важно, что наряду с Москвой формируются исследовательские центры в других городах – в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Перми, Нижнем Новгороде, Казани, Барнауле, Краснодаре, Кемерово и др. В числе наиболее эффективно действующих следует назвать региональные отделения РАПН, которые сложились в Перми, Краснодарском крае, на Алтае, в Калининграде, Татарстане, Башкортостане, Балтийском федеральном университете, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Ульяновске, Ярославле, Воронеже, Иванове, Иркутске, Кемерово, в Республике Марий Эл, Мордовии, Челябинске, Дагестане, Крыму.



РАПН – это десятки тысяч реализованных проектов, изданий, несколько учрежденных РАПН журналов (включая “Полис. Политические исследования” и издаваемую в МГИМО МИД России “Сравнительную политику”), обширная экспертная деятельность. А еще это Центр ответственности при Минобрнауки РФ, ФУМО, Координационный Совет по общественным наукам, Ассоциация работодателей, Совет по грантам президента РФ для научных школ и молодых ученых и многое другое.

Предметом особых усилий РАПН в последние годы было создание эффективно работающего Центра ответственности. Что стоит за этим малознакомым большинству политологов названием? Центры ответственности обладают правом рекомендательного голоса при формировании Министерством образования и науки РФ объема бюджетного приема в вузы, который является основой определения объема бюджетного финансирования вуза, что в условиях непростой экономической ситуации жизненно важно для любого образовательного учреждения. Создание Центров ответственности стало возможным в результате принятия Федерального Закона “Об образовании”, который предполагает существенное возрастание роли профессиональных ассоциаций в осуществлении образовательного процесса.

История взаимодействия Российской ассоциации политической науки и Министерства образования и науки Российской Федерации (МОН РФ) по формированию контрольных цифр приема началась осенью 2013 г. 31 октября 2013 г., когда Министерство образования и науки наделило РАПН функци-

ями Центра ответственности по выработке предложений по определению объемов контрольных цифр приема в вузы по направлениям подготовки высшего образования укрупненной группы специальностей направлений подготовки (УГСН) 41.00.00. "Политические науки и регионоведение", которая включает следующие направления подготовки (бакалавриат и магистратура) "Политология", "Международные отношения", "Зарубежное регионоведение", "Регионоведение России", "Востоковедение и африканистика".

Это означает, что с данного момента РАПН участвует с правом рекомендательного голоса в процедуре определения количества бюджетных мест и распределения их между субъектами Федерации применительно к бакалавриату и магистратуре по всем этим направлениям подготовки, по сути представляя интересы политологического научного и образовательного сообщества во взаимоотношениях с государством. Ассоциация одной из первых получила статус Центра ответственности вместе с такими организациями, как Ассоциация юристов России и Ассоциация ведущих вузов в области экономики и менеджмента. По другим специальностям функции Центров ответственности выполняют такие государственные структуры, как Министерство культуры, Министерство здравоохранения, Министерство транспорта, Министерство спорта, Минкомсвязи, Министерство сельского хозяйства, госкорпорации "Роскосмос", "Роснано" и "Росатом". Наделение РАПН статусом и полномочиями Центра ответственности свидетельствует о высокой репутации нашей Ассоциации.

РАПН подошла к выполнению функции Центра ответственности системно. Прежде всего, для эффективного исполнения данных функций в структуре Ассоциации был создан Совет по профессиональному образованию. При этом были внесены необходимые изменения в Устав РАПН. В состав Совета входят ректоры, деканы и заведующие профильными кафедрами ведущих российских вузов, таких как МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО МИД России, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Финансовый университет при Правительстве РФ, РАНХиГС, РГГУ, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова и др.



В содружестве управленцев, экономистов, политологов, юристов, математиков, специалистов в области организации образования ассоциацией был создан эффективный механизм подготовки предложений по КЦП, предполагающий разработку специальной модели и методики определения объема КЦП и распределения их между субъектами Федерации, построенной на учете значительного числа факторов. Среди учтенных факторов – численность населения региона и доля населения студенческого возраста; структура органов госслужбы и управления как потенциальной ниши трудоустройства выпускников; наличие и численность политических партий; численность и тираж СМИ; развитость рынка консалтинга и др.

При разработке методики решались следующие методологические задачи:

1. Учет не только количественных, но также качественных показателей при *максимальном отходе от субъективных показателей*.

2. *Неманипулируемость рейтинга*. Любой рейтинг в конечном счете становится манипулируемым, т.е. региональные показатели начинают подстраиваться под запросы, предъявляемые разработчиками рейтинга. Ввиду этого бо́льший упор сделан на неявные показатели. Так, например, показатель

среднего балла ЕГЭ не включен в набор экзогенных переменных ввиду его растущей манипулируемости на региональном уровне.

3. *Принцип мультипликативности*. Аддитивные рейтинги, используемые в подавляющем числе случаев, позволяют осуществлять субституцию одного "слабого" экзогенного фактора за счет "сильного" экзогенного фактора. Мультипликативный рейтинг лишен данного недостатка и позволяет получить даже нулевое значение при распределении контрольных цифр приема. Так, например, если в регионе отсутствуют кандидаты политических наук, то этот регион не получает контрольных цифр приема, так как в данном случае просто некому осуществлять образовательный процесс.

4. При формировании модели учитывается также *количество студентов, обучающихся на внебюджетных местах* по соответствующим направлениям подготовки. Предоставляемый на договорной основе объем образовательных услуг отражает интерес общества к данным профессиям, в ответ на который объем бюджетных мест может быть соответствующим образом скорректирован.

5. Так как число магистров и аспирантов является производным от числа бакалавров, то *оптимальное процентное соотношение магистров и аспирантов* определяется изначальным спросом на бакалавров.

Для распределения контрольных цифр приема между регионами был определен ряд критериев, в том числе количество выпускников школ за последние 5 лет, количество научных публикаций по политическим наукам за последние 5 лет, численность государственных и муниципальных служащих за последние 5 лет, количество некоммерческих организаций, зарегистрированных в Министерстве юстиции Российской Федерации, за последние 5 лет, количество политических партий, зарегистрированных в Министерстве юстиции, за последние 5 лет, общий годовой объем тиража федеральных и региональных СМИ за последние 5 лет.



Данная методика используется в режиме постоянных широких консультаций со всеми заинтересованными сторонами, в максимальной мере учитывающих потребности государства в целом, интересы отдельных субъектов Федерации, профильных вузов и широкого преподавательского и научного сообщества, в частности. В полной мере можно говорить о широком демократизме процесса формирования Ассоциацией предложений по контрольным цифрам приема, вовлеченности в этот процесс практически всего политологического сообщества, включая университеты, профильные факультеты и кафедры, научно-исследовательские структуры, региональные органы образования, региональные отделения РАПН. На протяжении нескольких лет тщательно анализируются и обобщаются предложения ведущих вузов, факультетов, кафедр, региональных органов образования, академического сообщества, различных профессиональных и общественных структур (Общественной палаты РФ, Общественных палат регионов и др.), региональных отделений Российской ассоциации политической науки. В частности, при формировании предложений РАПН относительно КЦП-2015 и КЦП-2016 были агрегированы и учтены предложения более 200 институциональных участников (вузы, региональные комитеты образования, профильные профессиональные ассоциации и др.).

При этом Ассоциация стремится сочетать в своей деятельности запросы профессионального политологического сообщества и государственные интересы, учитывать основные тенденции развития государственной поли-

тики в сфере высшего образования. Итогом совместной с Департаментом государственной политики в сфере высшего образования МОН РФ работы РАПН в качестве Центра ответственности на протяжении трех лет стали представленные в Минобрнауки РФ предложения по распределению контрольных цифр приема на 2015, 2016 и 2017 гг., принятые и утвержденные министерством. В результате удалось добиться беспрецедентного роста количества бюджетных мест, выделяемых на направления подготовки укрупненной группы 41.00.00. "Политические науки и регионоведение", что существенно отличает динамику КЦП по УГСП 41.00.00 от изменений показателей по другим группам специальностей в рамках тренда на снижение количества КЦП в целом по стране.

Общее количество бюджетных мест по укрупненной группе 41.00.00. на 2016 г. по сравнению с 2014 г. было увеличено на 28,6%. В частности, рост КЦП 2016 г. по сравнению с соответствующим показателем 2014 г. по программам бакалавриата составил 10,4%, по программам магистратуры – 61,3%. Количество бюджетных мест на магистерские программы по направлению подготовки "Политология" возросло почти в 2 раза. По направлению подготовки "Политология" в целом рост составил 40,8%; по направлению подготовки "Международные отношения" – 16%, что разительно отличает динамику изменения КЦП по УГСН 41.00.00. от других направлений подготовки, бюджетный прием по которым существенно сократился.

Ассоциацией накоплен значительный опыт работы в этом направлении. Создан эффективный механизм распределения бюджетных мест, учитывающий как потребности государства в целом, так и интересы отдельных субъектов Федерации, вузов и научного сообщества. Дальнейшее совершенствование работы РАПН в качестве Центра ответственности предполагает продолжение сотрудничества Минобрнауки РФ с профессиональными организациями политологов в определении вектора развития государственной политики в этой сфере. По итогам проведенной работы из большинства регионов России получены многочисленные позитивные оценки проведенной работы в адрес руководства Департамента государственной политики в сфере высшего образования Минобрнауки РФ и руководства РАПН.



Таким образом, предложения Ассоциации, обосновывающие необходимость увеличения контрольных цифр приема по укрупненной группе 41.00.00. "Политические науки и регионоведение", были учтены Министерством образования и науки Российской Федерации. Это означает в том числе, что благодаря усилиям РАПН заложена прочная основа для дальнейшего развития политологии и смежных направлений подготовки.

В 2014 г. по инициативе РАПН создана Ассоциация содействия развитию социально-политических наук и управления ("*Профессиональная ассоциация в области социально-политических наук и управления*"), действующая в качестве Ассоциации работодателей. Участие организаций работодателей предусмотрено Федеральным Законом "Об образовании" в качестве необходимого звена во взаимодействии государства и гражданского общества. Партнерами РАПН выступили Институт философии РАН, Государственный университет гуманитарных наук, Институт социологии РАН, ИНИОН РАН, ВЦИОМ, агентство "Никколо М" и другие структуры. Организация официально зарегистрирована Министерством юстиции РФ и начала свою работу.

Обретение статуса Центра ответственности при Минобрнауки РФ свидетельствовало об укреплении авторитета Ассоциации в профессиональной среде и признании ее конструктивной роли со стороны государственных органов. В 2015 г. президент РАПН был включен в *Координационный совет* (КС) по общественным наукам (сопредседатели КС – ректор МГУ В.А. Садовничий, ректор НИУ ВШЭ Я.И. Кузьминов, ректор Санкт-Петербургского университета Н.М. Кропачев) и назначен председателем *Федерального УМО* по укрупненной группе направлений подготовки УГНП 41.00.00 "Политические науки и регионоведение", в которую входят специальности: политология, международные отношения, регионоведение России, зарубежное регионоведение, востоковедение и африканистика. Как известно, институт УМО в 2014 г. завершил свое функционирование в прежнем виде и был воссоздан в 2015 г. в новом формате – не по одной специальности, а по укрупненной группе направлений подготовки.

Отметим участие РАПН в решении еще одной группы крайне актуальных для политологического сообщества вопросов, а именно в такой чувствительной сфере, как оценка эффективности публикационной активности обществоведов, критерии формирования Диссертационных и Экспертных советов ВАК. В последние годы по этим вопросам обозначились определенные противоречия. Механический перенос на сферу социальных и гуманитарных наук критериев оценки, традиционно применяющихся в технических и естественных науках, привел к тому, что критерием качества в гуманитарных науках стали рассматриваться патенты на изобретения (?), а статья в журнале (несомненно, важный индикатор) стала *априори* значить существенно больше индивидуальной монографии. В технических и естественных науках такой подход уместен: одна формула – например, в теории относительности, способна совершить настоящую революцию, однако для гуманитарного знания, выражаемого текстуально, такой подход не всегда адекватен. Кроме того, есть определенные нюансы в соотношении отечественных и зарубежных изданий: при всей очевидной и бесспорной значимости последних приходится иметь в виду, во-первых, численную ограниченность профильных зарубежных журналов; во-вторых, преобладание среди зарубежных политологических журналов узкоспециализированных изданий, в-третьих, определенную ангажированность (не обязательно политическую – речь может идти о субдисцилинарных, методологических или методических ориентациях) – разную в разных случаях – этих изданий.



Напряжение в академической среде, возникшее в связи с механическим переносом заимствованных из сферы технического знания критериев на социальные науки, было столь значимым, что руководство Министерства образования и науки РФ сочло необходимым создать специальный орган для разработки предложений по уточнению подходов. В апреле 2013 г. была создана рабочая группа под руководством директора Института всеобщей истории РАН академика А.О. Чубарьяна с участием ректора МГИМО академика РАН А.В. Торкунова, директора Института философии РАН академика А.А. Гусейнова, директора ИМЭМО РАН академика А.А. Дынкина, директора Института этнологии и антропологии РАН академика В.А. Тишкова, директора Института русского языка РАН академика А.М. Молдована, директора ЦЭМИ РАН академика В.Л. Макарова, декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова академика РАН С.П. Карпова, председателя Совета РГНФ профессора В.Н. Фридлянова, ректора Европейского универ-

ситета в Санкт-Петербурге О.В. Хархордина, первого проректора НИУ ВШЭ профессора В.В. Радаева и других авторитетных ученых. В состав этой группы был включен также представитель РАПН.

В задачи данного органа входил широкий круг вопросов, включая вопросы совершенствования государственной системы аттестации научных и научно-педагогических сотрудников в области гуманитарных, социально-экономических и общественных наук; разработка предложений и рекомендаций в части требований к кандидатам в члены советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, Экспертных советов ВАК, определения требований к организациям, на базе которых создаются диссертационные советы в области гуманитарных, социально-экономических и общественных наук. Результатами работы группы стали предложения относительно коррекции сложившейся ранее ситуации по всем входящим в ее компетенцию вопросам. Были уточнены параметры оценки научной результативности членов диссертационных советов по общественным и гуманитарным наукам; разработаны параметры оценки научной результативности членов Экспертных советов ВАК по общественным наукам, сформулированы требования к организациям, претендующим на открытие диссертационного совета. Был сформирован перечень наиболее цитируемых научных журналов по профильным специальностям, урегулирован вопрос о рационализации критериев оценки.

В результате обстоятельных обсуждений и обобщения экспертных оценок было признано, что при оценке эффективности исследовательской деятельности и функционирования диссертационных советов по общественным наукам необходимо учитывать общепризнанную специфику гуманитарных, социально-экономических и общественных наук. При этом при сохранении ключевых показателей оценки (количество индивидуальных монографий, коллективных монографий, статей в РИНЦ, защищенных аспирантов, участие в конференциях и т.д.) отдельные критерии оценки исследовательской деятельности членов диссертационных советов обществоведческого профиля должны отличаться от прочих наук. Такие показатели, как, например, число патентов на изобретения (модели) и число свидетельств о регистрации программ ЭВМ, баз данных, практически неприменимы.



Кроме того, в рамках переосмысления подходов к оценке эффективной деятельности исследователей предметом обсуждения были форматы публикаций. Речь, в частности, шла о необоснованности пренебрежения публикациями монографий в ведущих профильных издательствах. Последнее нуждается в пояснении: речь идет *не о любых книгах опубликованных в любых издательствах, и не о недавно созданных издательских центрах, а о публикации монографий (по рекомендации профильных ученых советов) в признанных* **профессиональным сообществом издательствах**, *имеющих соответствующую репутацию и многолетний опыт работы, с возрастанием ответственности тех, кто рекомендует издание к печати*. Кроме того, отмечалась необоснованность априорного игнорирования публикаций (особенно в случае публикаций по истории, экономике, культуре, политологии, философии, филологии) в отечественных изданиях. Проблема состоит в том, что международные системы цитирования *Web of Science* и *Scopus* часто не индексируют признанные научным сообществом отечественные издания гуманитарного профиля (так, например, наиболее авторитетный журнал политологического профиля “Полис. Политические исследования” лишь со-

всем недавно вошел в *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*), поэтому публикации в зарубежных изданиях – **при всей несомненной важности и безусловно развивающей роли такого критерия** – не должны автоматически означать девальвацию отечественных изданий. Подчеркну, что речь идет о немногочисленных российских изданиях, признанных профессиональным сообществом ("Полис. Политические исследования", "Полития" и некоторых других). При этом крайне важно участие профессионального сообщества в постоянном совершенствовании РИНЦ, постоянное проведение экспертной оценки научного уровня изданий, входящих в список ВАК с непременной последующей обязательной корректировкой списка. Кроме того, была признана необходимой профильная аффилиация региональных диссертационных советов с реально работающими научными центрами. Не может не вызывать удивления, например, открытие докторских диссертационных советов по философии или филологии в сельскохозяйственном вузе – при всем уважении к аграриям. Все вместе взятое означает повышение роли профессионального сообщества в развитии дисциплины.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на радикализм происшедших трансформаций в стране за последние полвека Российская ассоциация политической науки смогла не только сохраниться, но и обрести новое качество как профессиональная организация политологов. За последнюю четверть века отечественная политология достигла позитивных и значимых результатов, особенно если учесть то, в каких исключительно сложных условиях происходило ее становление (в том числе – при фактическом отказе государства от финансирования науки в 1990-е годы). По целому ряду направлений политической науки можно отметить существенное продвижение, и отечественные специалисты в ряде областей на равных участвуют в интеллектуальном развитии дисциплины наряду с признанными авторитетами мировой науки. Что же касается перспективы, то важно, чтобы текущий период остался не сухой строчкой в новой будущей монографии о развитии политологии в России начала XXI века, а запомнился яркими публикациями и содержательными дискуссиями, открывающими новые горизонты познания.



Алмонд Г.А. 1999. Политическая наука: история дисциплины. – Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. (ред.). *Политическая наука. Новые направления*. М.: Вече. С. 69-112.

Бек У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. 383 с.

Бек У. 2007. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М.: Прогресс-Традиция. 464 с.

Гегель Г.В.Ф. 1993. Лекции по философии истории. СПб.: Наука. 480 с.

Гидденс Э. 2004. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Изд-во "Весь Мир". 120 с.

История Российской ассоциации политической науки (отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова). 2015. – *Российская политическая наука: истоки и перспективы (под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной)*. В 5 тт. Т. 4. М.: Аспект Пресс. 360 с.

Оперативная концепция армии США. Победа в сложном мире. 2020-2040. – *Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции англо-саксов*. 2015. Сост. Е. Ларина, В. Овчинский. М.: Книжный мир. 416 с.

Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития (отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина). 2015. – *Российская политическая наука: истоки и перспективы (под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной)*. В 5 тт. Т. 5. М.: Аспект Пресс. 560 с.

Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. 2009. *Нелинейные политические процессы*. Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет. 204 с.

Смирнов В.А. 2012. Политическая элита в контексте глобальных социальных изменений. – Гаман-Голутвина О.В. (отв. ред.). *Политический класс в современном обществе*. М.: РОССПЭН. С. 102-112.

Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии (отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина). 2015. – *Российская политическая наука: истоки и перспективы (под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной)*. В 5 тт. Т. 3. М.: Аспект Пресс. 464 с.

Талеб Н.Н. 2014. *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. М.: Изд-во КоЛибри, Азбука-Аттикус. 768 с.

Almond G.A. 1990. *A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*. Newbury Park, L.: New Dehli. 348 p.

Dogan M. 1994. Use and Misuse of Statistics in Comparative Research. – Dogan M., Kazansigil A. (eds.). Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell. P. 35-71.

Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press. 264 p.

DOI: 10.17976/jpps/2016.01.02

# POLITICAL SCIENCE FACING THE CHALLENGES OF MODERN POLITICS. TO THE 60TH ANNIVERSARY OF RPSA / SPSA



**O.V. Gaman-Golutvina**[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia. Moscow, Russia*

**GAMAN-GOLUTVINA Oxana Viktorovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia. President, Russian Political Science Association. Head, Responsibility Center on Budgetary Education in Political Science and Regional Studies at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Head, Federal Education and Methodics Association on Political Science and Regional Studies.** Email: ogaman@mail.ru

*Received: 25.11.2015. Accepted:03.12.2015*

**Note.** The article is based on the speech delivered by O.V. Gaman-Golutvina, President of the RPSA, at the opening session of the jubilee RPSA Congress (November 2015)

**Acknowledgment.** The research was supported by the Russian Foundation for Humanities (Project No. 14 03 00815a)

**Abstract.** The text dedicated to the 60th anniversary of Russian Political Science Association is devoted to the genesis, mission and role of this organization in the context of political development of the past decades and current trends in the evolution of modern politics. The key threats the modern political science is facing are divided into two main sets. The first one includes relations of political science and political practice, or how global and local challenges shape the modern social knowledge. The second set includes development issues of the discipline: correlation of the world science mainstream with the agenda and configuration of Russian political science; dichotomy of the foundations of political science – theoretic, conceptual and imperatively pluralistic; conjugation of fundamental and applied areas and their thematic content; comparative analysis of the effectiveness of research strategies and methods; the relevance of the applied performance evaluation system of scientific activity in political science. The importance of political science today is determined, in the author's opinion, by the fact that the dominant feature of the current era (post-modern in its essence) has become the compound symbiosis of politics and economics. Ideas,

ideals, interests and technologies of their conjugation constitute the subject of political science. In terms of the second law of thermodynamics, political science is an institutional tool against irreversible dissipation of social energy. The complexity of political science in this case is that is operates with patterns of probability character, most of which are applicable only in a short time perspective. This, in the author's opinion, determines the need for constant self-reflection of the discipline, which does represent the mission of RPSA and its social function – to create the formats and provide for stability of professional communication. The author examines the formats and technologies of implementation of RPSA's social function as a significant civil society institution which continues to form its identity in the context of qualitative increase in complexity of social changes and domination of nonlinear processes.

**Keywords:** political science; challenges and threats; nonlinear processes; professional communication; methodological and methodic foundations of political science; political expertise; RPSA; IPSA.

**References**

Almond G.A. *A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*. Newbury Park, London: New Dehli. 1990. 348 p.

Almond G.A. Political Science: The History of the Discipline. – Goodin R.E., Klingemann H.-D. A New Handbook of Political Science. (Russ. ed.: Almond G.A. Politicheskaya nauka: istoriya distsipliny. – Goodin R.E., Klingemann H.-D. (red.). *Politicheskaya nauka. Novye napravleniya*. Moscow: Veche. 1999. P. 69-112.)

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. (Russ. ed.: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow: Progress-Traditsiya. 2000. 383 p.)

Beck U. Power in the Global Age: A New Global Political Economy. (Russ. ed.: Beck U. *Vlast' i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya*. Moscow: Progress-Traditsiya. 2007. 464 p.)

Dogan M. Use and Misuse of Statistics in Comparative Research. – Dogan M., Kazansigil A. (eds.). *Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell.* 1994. P. 35-71.

Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press. 1991. 264 p.

Giddens A. Runaway World: How Globalisation is Reshaping Our Lives. (Russ. ed.: *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Moscow: Ves' Mir Publishers. 2004. 120 p.)

Hegel G.W.F. Lectures on the Philosophy of World History. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. *Lektsii po filosofii istorii*. Saint Petersburg: Nauka. 1993. 480 p.)

Istoriya Rossiiskoi assotsiatsii politicheskoi nauki (otv. red. S.V. Patrushev, L.E. Filippova) [History of the Russian Political Science Association (ed. by S.V. Patrushev, L.E. Filippova)]. – *Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki i perspektivy* (*pod obshch. red. O.V. Gaman-Golutvinoi)*. V 5 tt. T. 4. [Russian Political Science: Origins and Prospects (ed. by O.V. Gaman-Golutvina). In 5 volumes. Vol. 4]. Moscow: Aspect Press. 2015. P. 360. (In Russ.)

Operativnaya kontseptsiya armii SShA. Pobeda v slozhnom mire. 2020-2040 [The U.S. Army Operating Concept: Win in a Complex World]. – *Mirovoina. Vse protiv vsekh. Noveishie kontseptsii anglo-saksov*. Sost. E. Larina, V. Ovchinskii [War-peace. All Against All. The Newest Anglo-Saxon Concepts (ed. by E. Larina, V. Ovchinskii)]. Moscow: Knizhnyi mir. 2015. 416 p. (In Russ.)

Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya (otv. red. O.V. Gaman-Golutvina) [Political Science Facing the Challenges of Global and Regional Develoment (ed. by O.V. Gaman-Golutvina)]. – *Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki i perspektivy* (pod obshch. red. O.V. Gaman-Golutvinoi). V 5 tt. T. 1. [Russian Political Science: Origins and Prospects (ed. by O.V. Gaman-Golutvina). In 5 volumes. Vol. 1]. Moscow: Aspect Press. 2015. P. 560. (In Russ.)

Polunin Yu.A., Timofeev I.N. *Nelineinye politicheskie protsessy. Uchebnoe posobie* [Nonlinear Political Processes. Textbook]. Moscow: MGIMO-University. 2009. 204 p. (In Russ.)

Smirnov V.A. Politicheskaya elita v kontekste global'nykh sotsial'nykh izmenenii [Political Elite in the Context of Global Social Changes]. – Gaman-Golutvina O.V. (otv. red.). *Politicheskii klass v sovremennom obshchestve* [Gaman-Golutvina O.V. (ed.). Political Class in the Modern Society]. Moscow: ROSSPEN. 2012. P. 102-112. (In Russ.)

Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii (otv. red. O.V. Gaman-Golutvina) [Structural Transformations and Development of Russian Schools of Political Science (ed. by O.V. Gaman-Golutvina)]. – *Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki i perspektivy* (pod obshch. red. O.V. Gaman-Golutvinoi). V 5 tt. T. 3. [Russian Political Science: Origins and Prospects (ed. by O.V. Gaman-Golutvina). In 5 volumes. Vol. 3]. Moscow: Aspect Press. 2015. 464 p. (In Russ.)

Taleb N.N. Antifragile: Things That Gain from Disorder. (Russ. ed.: Taleb N.N. *Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa*). Moscow: KoLibri Publishers, Azbuka-Attikus. 2014. 768 p. (In Russ.)